

С. А. Кариков

Рецензия: *Ehrenpreis S., Lotz-Heumann U.* Reformation und konfessionelles Zeitalter. — 2. Auflage. — Darmstadt: WBG, 2008. — VIII, 138 S.

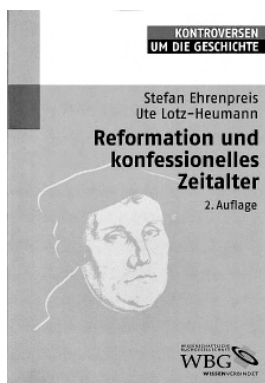
Работа современных немецких исследователей Штефана Эренпрайса и Уте Лотц-Хойманн посвящена одной из ключевых проблем истории Германии. Преобразования политических и религиозных структур, изменения в социально-экономическом и культурном развитии, происшедшие вследствие реформационного движения, позволяют рассматривать его как один из ключевых моментов перехода от Средневековья к Новому времени.

Очевидны сложности, с которыми сталкиваются историки, обращающиеся к теме Реформации. Социальный состав участников движения, различия их целей и сложность взаимоотношений, расхождения между реформаторскими призывами и реальной практикой — все это необходимо принять во внимание исследователю. Столь же важной является проблема влияния Реформации на последующее развитие как германских земель, так и других европейских стран XVI — начала XVII в. Значимость религиозного фактора в жизни общества раннего Нового времени позволяет современным историкам (Х. Шиллингу, В. Райнхарду, Х. Клюетингу и др.) определять это время европейской истории как «конфессиональную эпоху». Вместе с тем хронологические рамки, содержание и историческое значение «конфессиональной эпохи» до сих пор остаются предметом дискуссий.

Поэтому представляется вполне закономерным, что работа Ш. Эренпрайса и У. Лотц-Хойманн опубликована в рамках серии «Противоречия в истории». Многочисленные исследования Реформации и конфессиональной эпохи, осуществлявшиеся как церковными (и протестантскими, и католическими), так и светскими историками, позволяют разрешить одни проблемы, но в то же время формулируют новые задачи. Современные историки продолжают спорить: чем же была Реформация — принципиально новым, революционным явлением или частью долгого процесса реформ, начавшегося задолго до XVI в.? Может ли конфессионализация рассматриваться как проявление Нового времени?

Ш. Эренпрайс и У. Лотц-Хойманн стремятся найти максимально полные ответы на поставленные вопросы, рассматривая многообразные варианты их разрешения, предложенные историками к настоящему времени. Сама структура их работы позволяет говорить о стремлении выявить основные проблемы историографии Реформации и конфессиональной эпохи. Книга состоит из четырех глав: «Реформация в столкновении мнений: исторический очерк», «Противоречия в исследовании Реформации: введение», «Противоречия в исследовании», «Перспективы исследования Реформации».

Первая глава работы Ш. Эренпрайса и У. Лотц-Хойманн посвящена обзору основных точек зрения на сущность Реформации. Стремясь выявить причины расхождений

в оценках этого явления, авторы обращаются к истокам дискуссий, прежде всего обращая внимание на споры между реформаторами и гуманистами. Объектом их дальнейшего рассмотрения становятся ортодоксальная протестантская и католическая историография XVII в., взгляды немецких просветителей, труды представителей немецкой исторической мысли XIX — первой половины XX вв. Сравнительно небольшой объем главы не помешал авторам охарактеризовать сущность фундаментальных расхождений между католическим, протестантско-бюргерским («борусско-малогерманским») и социалистическим направлениями изучения Реформации (S. 3).

Во второй главе исследования Ш. Эренпрайс и У. Лотц-Хойманн сосредотачивают внимание на историографии середины XX — начала XXI вв. Со второй половины XX в. исследователи Реформации начинают активно применять новые подходы, выработанные «социальной историей», а также методы, характерные для других социальных дисциплин, что позволяет по-новому осветить традиционный объект исследования. Помимо того, в 70-х гг. XX в. изучение Реформации концептуально обогатилось благодаря дискуссиям западногерманских исследователей с представителями марксистской историографии ГДР, а также с североамериканскими авторами.

В трудах современных историков Реформации и конфессиональной эпохи, как показывают Ш. Эренпрайс и У. Лотц-Хойманн, основное внимание уделяется нескольким узловым моментам — «новым противоречиям» исследования. К ним, в частности, принадлежат дискуссии о роли городов в реформационном движении, об особенностях развития Реформации в различных немецких территориях, об основных течениях радикальной Реформации. Кроме того, важное методологическое значение имеет обсуждение понятия «конфессионализация», введенного в оборот современной исторической науки (S. 10–11).

В целом, общее развитие историографии Реформации и конфессиональной эпохи представлено в первых двух главах работы с надлежащей полнотой. Ш. Эренпрайс и У. Лотц-Хойманн отмечают, что ограниченность объема книги и ее общая концепция не позволяют принять во внимание отдельные проблемы исследования. К ним относятся спорные моменты биографических характеристик реформаторов (прежде всего, Лютера), дискуссия о причинах и историческом фоне основных событий Тридцатилетней войны, вопросы церковной дисциплины (в частности, характеристика «социальной дисциплинирования», предложенного Г. Эстрайхом в качестве обобщающего понятия). Вполне уместны здесь ссылки Ш. Эренпрайса и У. Лотц-Хойманн на те работы, в которых упомянутые вопросы освещены более детально (S. 15–16).

Вместе с тем представляется спорным изложение историографического вступительного очерка в виде двух глав, рубежом между содержанием которых определено окончание Второй мировой войны. Ведь возникновение ряда дискуссионных положений в историографии Реформации и конфессиональной эпохи можно проследить, обратившись к более ранним трудам немецких авторов, нежели работы, написанные после 1945 г. Это, в частности, относится к вопросу о сущности Реформации как рубежа между Средневековьем и Новым временем. С другой стороны, рецепция отдельных положений более ранних исследований характерна для современной немецкой, английской, американской историографии Реформации, что отмечают сами авторы (S. 8–9).

Наиболее масштабной частью книги (и по объему, и по содержанию) является третья глава, состоящая из девяти параграфов. Каждый из них посвящен определенной проблеме реформационного движения и конфессиональных отношений.

Обоснованным выглядит решение авторов прежде всего обратиться к вопросу «Реформация, периодизация и начало Нового времени» (S. 17–29). Дискуссии о месте Реформации в европейской и мировой истории ведутся давно. В историографии Реформация рассматривается и как временная граница, отделяющая Средневековье от Нового времени, и как явление, соединяющее эти исторические эпохи. Переломный характер Реформации, как отмечают Ш. Эренпрайс и У. Лотц-Хойманн, был обоснован в трудах Л. фон Ранке, заложившего традиции лютеранско-консервативного направления в германской исторической науке. Как «политически-церковную революцию» определял Реформацию И. Янсен — видный представитель католической историографии. Тезис о Реформации как первой бюргерской революции был сформулирован в работах Ф. Энгельса (S. 18). В XX в. революционный характер Реформации отмечали представители самых разных течений исторической мысли — от протестантских авторов до сторонников марксизма (безусловно, следует учесть принципиально различные интерпретации ими самого понятия «революция»). Ряд современных авторов, не характеризуя Реформацию как революцию, рассматривают ее как часть долгосрочного процесса обновления различных общественных структур (S. 25).

В современной историографии, однако, получает распространение и теория континуитета средневековой традиции в эпоху Реформации. Обосновывая эти взгляды, Б. Меллер и Х. Букманн усматривают истоки Реформации в многочисленных конфликтах между мирянами и клириками, происходившими в эпоху Средневековья, и вводят термин «Предреформация» для обозначения генетической связи этих процессов (S. 26). Разницу в оценках Реформации позволяют выявить и дискуссии о ее единстве / множественности, связанные с выдвинутыми в историографии концепциями «народной», «общинной», «княжеской» Реформации (S. 28).

Вслед за определением хронологических рамок Реформации и ее места в новoeвропейской истории авторы сосредотачивают внимание на проблеме «Город и Реформация». Отмечая экономические причины усиления немецких городов к началу XVI в., Ш. Эренпрайс и У. Лотц-Хойманн связывают с этими факторами активность городского населения в религиозных и политических преобразованиях (S. 29). Авторы указывают на расхождения во взглядах по названной проблеме между такими видными современными историками-урбанистами, как Б. Меллер и Т. Брэйди. В концепции Б. Меллера ведущее место в развитии Реформации в имперских городах отводится деятельности местных органов управления («Реформация советов») (S. 30–31). Т. Брэйди считает такую концепцию городской жизни времен Реформации «идеализированной, романтической», не учитывающей острые социальные конфликты и, как следствие, не позволяющей объяснить деятельность радикальных реформаторских группировок (S. 32–33).

Помимо городского реформационного движения, Ш. Эренпрайс и У. Лотц-Хойманн уделяют внимание развитию Реформации в территориях Германии. При этом они рассматривают дискуссионные вопросы, связанные с понятиями «общинной Реформации» и «коммунизма» (концепция П. Бликле), а также с развитием территориальной школьной организации. Вероятно, последний вопрос следовало бы осветить подробнее. Ш. Эренпрайс и У. Лотц-Хойманн рассматривают его преимущественно на материале работ Дж. Штрауса, отмечая близость его взглядов на образование во времена Реформации к концепции «социального дисциплинирования» Г. Эстрайха (S. 48–51). Между тем исследователи (в частности, Х. Шайбле, Г.-Г. Ледер, Г. Вартенберг, С. Карант-Нанн) обращают внимание и на ряд иных аспектов развития немецких школ и университетов раннего Нового времени: участие реформаторов в преобразовании школьной программы, влияние визитаций на деятельность евангелических школ. Их выводы следует учитывать для более полной характеристики историографических дискуссий по проблемам образования.

При характеристике проблемы радикальных течений Реформации Ш. Эренпрайс и У. Лотц-Хойманн рассматривают как общее понятие «радикальная Реформация», так и отражение в историографии деятельности отдельных ее лидеров (Томаса Мюнцера, Ульриха Цвингли). В книге также представлены современные оценки анабаптизма, преимущественно — на материалах Мюнстерской коммуны (S. 59–61). Исследователи обоснованно оценивают радикальную Реформацию как социальное явление, связанное с реакцией части немецкого общества на консервативную политику властей. Традиционное же для церковной историографии сведение сущности этого движения к «ереси» является односторонним.

Одно из центральных мест в третьей главе занимает пункт «Конфессионализация как научная парадигма». Актуальность проблемы конфессионализации для изучения истории XVI в. неоспорима. Э. В. Цееден, введя в оборот исторической науки понятие «образование конфессий», обозначил так духовное и организационное движение различных христианских вероисповеданий в условиях религиозного раскола в направлении создания относительно стабильного церкви. Этот подход развивают современные историки: так, Х. Шиллинг оценивает конфессионализацию как фундаментальный общественный процесс, коренным образом изменивший общественную и частную жизнь в Европе (S. 64).

Ш. Эренпрайс и У. Лотц-Хойманн подчеркивают: дискуссии, участники которых стремятся уточнить само понятие конфессионализации и его статус в исторических исследованиях, продолжаются. К настоящему времени они позволяют характеризовать конфессионализацию, социальное дисциплинирование, преобразования государственных структур раннего Нового времени как процессы, связанные с политикой светских и церковных властей. Плодотворность парадигмы «конфессионализация» для современных исторических исследований неоспорима. Ее значение помогают оценить, в частности, работы по микроистории, истории повседневности и культуры (S. 70–71).

При этом дискуссионным остается вопрос о хронологических рамках конфессионализации и ее этапах. Периодизация конфессионализации, предложенная Х. Шиллингом, охватывает время от подписания Аугсбургского религиозного мира до завершения Тридцатилетней войны. В. Райнхард и Х. Клюетинг ведут отсчет конфессионализации с более раннего времени — середины 20-х гг. XVI в. (S. 74–75). Некоторые исследователи конфессиональной эпохи употребляют понятие «вторая Реформация», характеризуя таким образом распространение кальвинизма в ряде территорий Священной Римской империи. Однако Ш. Эренпрайс и У. Лотц-Хойманн отмечают спорность предложенного термина, не встречавшегося в источниках XVI в., хотя и распространенного в современной историографии (S. 79).

Значительный интерес историков вызывает проблема влияния Реформации на культуру, в частности — на сферу искусства. Двойственность этого влияния определяется событиями, в результате которых как разрушалась часть художественного наследия (проблема «штурма икон»), так и создавались новые произведения, сочетавшие разнообразные способы воздействия на сознание верующих. Важным достижением культуры Реформации стали знаменитые «летучие листки», сочетавшие изображения с текстом, имевшие не только пропагандистское, но и художественное значение. Современные исследователи рассматривают «летучие листки» как часть процесса устной, визуальной, деятельностной коммуникации. Изучение комплекса массовых коммуникативных действий, составлявших этот процесс, помогает историкам характеризовать менталитет «простого человека» — обитателя немецких городов и земель эпохи Реформации (S. 89–91).

Распространение гендерного подхода к истории на рубеже XX—XXI вв. актуализирует вопрос о положении женщин во времена Реформации и отношениях полов в конфессиональную эпоху. Ш. Эренпрайс и У. Лотц-Хойманн отмечают потенциаль-

ное значение этого вопроса для дальнейших исследований. Авторы указывают, что до сих пор развитие семейных отношений в эпоху раннего Нового времени, их особенности в протестантской и католической среде, положение женщин, принадлежавших к различным общественным группам, остаются в ряде аспектов недостаточно изученными (S. 94–98).

Завершает третью главу параграф, посвященный Реформации в Европе. Анализ европейского реформационного движения Ш. Эренпрайс и У. Лотц-Хойманн осуществляют на примере Англии (S. 99–111). Выбор обосновывается особым характером английской Реформации, проводившейся прежде всего высшими слоями общества, что позволяет детально проследить взаимодействие политики государственных и церковных структур. Вместе с тем представляется, что в этой части исследования было бы уместнее не ограничиваться одним, пусть и значимым, историческим примером. Ведь существенные особенности, в частности, Реформации в Швейцарии позволяют рассматривать и ее как явление общеевропейского порядка, заслуживающее подробной характеристики. Авторские характеристики отражения в историографии отдельных сторон деятельности Ульриха Цвингли (S. 30–31) и Жана Кальвина (S. 84–85) в этой связи выглядят слишком сжатыми.

Основным достоинством заключительной главы книги Ш. Эренпрайса и У. Лотц-Хойманн является стремление определить «белые пятна» истории Реформации и конфессиональной эпохи, в той или иной мере сохранившиеся в историографии к настоящему моменту. Вполне обоснованным выглядит внимание к фигурам реформаторов «второго плана» (S. 114–115), поскольку именно их деятельность, на первый взгляд не всегда заметная, во многом определяла успехи или неудачи распространения новых идей в немецком обществе XVI в. Пасторы, городские писцы, преподаватели университетов и школ служили посредниками между Лютером, Меланхтоном, другими идейными лидерами Реформации — с одной стороны и широкими слоями бюргерства, крестьянства — с другой. При этом, на наш взгляд, заслуживает пристального изучения и деятельность тех лиц, которые непосредственно осуществляли связь между основными центрами Реформации (прежде всего, Виттенбергом) и другими территориями. Пример Иоганна Бугенхагена, создавшего ряд крупных евангелических уставов, в этой связи особенно показателен (к сожалению, авторы книги ни разу не упоминают о его деятельности и ее характеристиках в историографии).

Важной перспективой исследования является и отмеченное Ш. Эренпрайсом и У. Лотц-Хойманн дальнейшее переосмысление историками содержания периода второй половины XVI в. (S. 116). Современные его оценки связываются с оформлением конфессиональной идентичности как центральной проблемы этого периода.

Рецепция реформационных идей в последующие столетия прослеживается в культурных переменах, происходивших в немецком обществе позднего Средневековья и раннего Нового времени. Для характеристики комплекса этих изменений, происходивших в XV—XVI вв., современными исследователями предложен термин «культурная Реформация». Она определяется преобразованием школ и университетов, развитием искусства, ставшими факторами формирования т. н. «реформаторской общественности». В самосознании социальных групп — в частности, бюргерства — в результате Реформации происходят принципиальные сдвиги, проявившиеся в сфере коммуникации. Исследователи связывают с ними последующее участие горожан в революционных событиях Нового времени (S. 117). Дальнейшее изучение роли реформационных идей в культурных и идеологических трансформациях видится плодотворным направлением исследования.

Заслуживает внимания и завершающий книгу перечень литературы. Библиографический список Ш. Эренпрайс и У. Лотц-Хойманн начинают с работ общего характера, а затем перечисляют литературу к каждой главе (для третьей главы — и к каждому

параграфу), сохраняя при этом сквозную нумерацию работ. Учитывая специфику каждой из рассматриваемых проблем, такую форму библиографии следует признать удобной для читателей. В качестве пожелания хотелось бы порекомендовать дополнить подробный список литературы (450 наименований) работами, опубликованными после выхода первого издания книги в 2002 г.

Определяя общее значение работы Ш. Эренпрайса и У. Лотц-Хойманн, следует отметить ту тщательность, с которой авторы подошли к историографическому комплексу работ своих предшественников. Она позволяет не только определить разнообразные противоречия в исследовании реформационного движения и конфессиональной эпохи, но и дать им вполне убедительное истолкование. Такое освещение важных методологических и практических проблем должно помочь историкам будущих поколений на пути изучения Реформации и конфессионализации.

